

Научная статья / Research Article

УДК 94

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-229-240

Вячеслав Владимирович Иванов

Иркутский государственный аграрный университет имени А.А. Ежевского,
пос. Молодежный, Иркутский район, Иркутская область, Россия
vyachivan@mail.ru

ОБЗОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ИЗУЧЕНИЮ КРЕСТЬЯНСТВА ПРИАНГАРЬЯ В 1920-е ГОДЫ

Цель исследования – обзор архивных источников, посвященных изучению крестьянства Приангарья в 1920-е годы, их классификация и характеристика. В Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) и Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО) отложился большой массив архивных материалов, в которых осваиваются политика государства и история развития аграрного сектора Приангарья периода НЭПа. Документы подразделяются на приказы, инструкции, распоряжения, справки, отчеты, выписки, доклады, сигналы с мест (жалобы населения), сводки сотрудников ОГПУ. Архивные материалы позволяют проанализировать эффективность всех государственных мероприятий большевистской власти в отношении крестьянства. Помимо успехов, они вскрывают провалы советской государственной политики в аграрном секторе. В документальных данных нередко фиксируются случаи злоупотребления со стороны советских работников, а также классовый характер политики правящей партии в отношении крестьян в течение всего описываемого периода. Документы иркутских архивов дают возможность увидеть, как восстанавливалось сельское хозяйство после Гражданской войны и как развивалось в период НЭПа, а также показывают, с какими проблемами сталкивалось крестьянство. Факты, изложенные в этих документах, носят преимущественно достоверный характер, так как их составителям не было смысла вводить в заблуждение вышестоящее партийное начальство. Благодаря историческим источникам, исследователь может составить подробную картину развития деревни Приангарья в 1920-е годы. Однако, как отмечает автор статьи, документы Иркутских архивов носят односторонний политически ангажированный характер, так как их составители часто наклеивали ярлыки на разные категории крестьян по признакам нелояльности советской власти, а также не подвергали сомнению правомерность осуществляемой советской политики и не пытались каким-либо образом понять крестьянство. Архивные документы отражают только хозяйственное развитие деревни и политику государства в отношении крестьян, а образ жизни, быт земледельцев в них не затрагивается.

Ключевые слова: Приангарье, крестьянство, аграрная сфера, большевики, сельское хозяйство, Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО)

Для цитирования: Иванов В.В. Обзор архивных источников, посвященных изучению крестьянства Приангарья в 1920-е годы // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 229–240. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-229-240.

Vyacheslav Vladimirovich Ivanov

Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, pos. Molodezhny, Irkutsk District, Irkutsk Region, Russia
vyachivan@mail.ru

**ARCHIVAL SOURCES REVIEW DEVOTED TO THE ANGARA REGION
PEASANTRY STUDY IN THE 1920S**

The purpose of the study is to review archival sources devoted to the study of the Angara peasantry in the 1920s, their classification and characteristics. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO) and the State Archive of Contemporary History of the Irkutsk Region (GANIIO) have deposited a large array of archival materials that highlight state policy and the history of the development of the agricultural sector of the Angara region during the NEP period. Documents are divided into orders, instructions, orders, certificates, reports, extracts, reports, notifications from the field (complaints of the population), reports from OGPU employees. Archival materials allow us to analyze the effectiveness of all state measures of the Bolshevik government in relation to the peasantry. In addition to successes, they reveal the failures of Soviet government policy in the agricultural sector. Documentary data often records cases of abuse by Soviet workers, as well as the class nature of the ruling party's policy towards peasants throughout the entire period described. Documents from the Irkutsk archives provide an opportunity to see how agriculture was restored after the Civil War and how it developed during the NEP period, and also show what problems the peasantry faced. The facts set out in these documents are predominantly reliable, since their compilers had no reason to mislead the higher party authorities. Thanks to historical sources, the researcher can draw up a detailed picture of the development of the Angara village in the 1920s. However, as the author of the article notes, the documents of the Irkutsk archives are of a one-sided politically biased nature, since their compilers often labeled different categories of peasants based on signs of disloyalty to the Soviet government, and also did not question the legality of the implemented soviet policies and did not try to understand the peasantry in any way. Archival documents reflect only the economic development of the village and the state policy towards peasants, and leaving the way of life of farmers unaffected.

Keywords: Angara region, peasantry, agricultural sector, Bolsheviks, agriculture, State Archive of the Irkutsk Region (GAIO), State Archive of Contemporary History of the Irkutsk Region (GANIIO)

For citation: Ivanov V.V. Archival sources review devoted to the Angara region peasantry study in the 1920s // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 1. S. 229–240. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-229-240.

Введение. До середины XX века Россия была аграрной страной, крестьянство фактически было самым многочисленным социальным слоем на протяжении большей части Отечественной истории. Поэтому образ жизни крестьян, их психология, взаимоотношения с государственной властью до сих пор являются одной из центральных тем для изучения

в российской исторической науке. 1920-е годы на территории Приангарья были временем трудных решений, это был противоречивый период. С одной стороны, советская власть после свержения Колчака пыталась укрепить свои позиции, для этого ей приходилось идти на уступки крестьянству, с другой стороны, большевики не отказывались от реали-

зации своей государственной политики, поэтому многие их мероприятия на селе носили ярко выраженный классовый характер. Все основные моменты советской политики в отношении крестьян Приангарья отражены в документах государственных архивов Иркутской области.

Цель исследования заключается в обзоре архивных источников, посвященных изучению сельского хозяйства Приангарья 1920-х годов, их классификации и характеристике.

Результаты исследования и их обсуждение. Основной массив документов, посвященных советской аграрной политике Приангарья 1920-х годов, сосредоточен в фондах Государственного архива Иркутской области (ГАИО), а также фондах Государственного архива новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Материалы по данному периоду времени насчитывают приблизительно несколько тысяч дел. Авторами этих документов в основном были советские работники, служащие, руководители разного рода партийных инстанций, партийные деятели и функционеры, сотрудники ОГПУ.

Значительная часть дел, посвященных советской аграрной политике 1920-х годов, а также положению крестьянства Приангарья, отложилась в фондах Государственного архива Иркутской области. Здесь находятся дела фондов государственных учреждений Иркутской губернии, а позднее Иркутского округа, относящихся к исполнительной власти, а также их различных ведомств на данной территории, которые формально избирались населением, а фактически подчинялись Иркутскому губкому партии. Среди фондов, которые вызывают наибольший интерес, следует обратить внимание на фонд Р-42 «Иркутский губернский ревком». Он содержит информацию о формировании и деятельности органов большевистской власти и ревкомов в переходный период от свержения Колчака и формирования губревкома в 1921 г. до выборов в Советы и передачи власти гражданскому органу на террито-

рии губернии Иркутскому губернскому исполкому, который завершился в 1921 г.

Этот фонд содержит дела, которые подробно раскрывают аграрную политику большевистской власти Приангарья на заключительном этапе военного коммунизма. Фонд содержит приказы, постановления, инструкции, циркуляры органов государственной власти, благодаря которым исследователь может понять сущность, цель и задачи осуществляемых местными властями мероприятий. Причем бросается в глаза тон этих руководящих и направляющих документов, они напоминают приказы военного периода. Историк А.И. Бакшеев в своей монографии пришел на основании этого к выводу, что логика поведения большевистской власти в 1920-е годы напоминает логику войны [1].

Помимо руководящих указаний, основной массив документов фонда Р-42, а также фонда Р-145 (Иркутский губисполком 1921–1926 гг.) и фонда Р-218 (Исполком Иркутского окружного Совета), это, как правило, делопроизводственная документация справки, отчеты доклады, сообщения советских работников с мест о ходе осуществляемой работы, а также предварительные итоги. Основными проблемами, которые стояли перед советскими чиновниками, были организация и укрепление большевистской власти на местах, административная деятельность, восстановление народного хозяйства от последствий гражданской войны, управление народным хозяйством, осуществление государственных мероприятий, борьба с протестом населения и сопутствующим бандитизмом, решение национального вопроса.

Большое количество документов свидетельствует о систематической помощи, которое губернское руководство оказывало разоренным крестьянским хозяйствам. Для оказания этой помощи была организована губернская комиссия по оказанию помощи населению (губкохоз), которая раздала крестьянам 1764 голов скота, 15 тыс. пудов семян, различные орудия, плуги, лемехи, косы, бороны. Иркутский губком, руководствуясь

указанием ЦК РКП(б), осуществлял «Неделю крестьянина», которая превратилась в месячник помощи города деревне и прошла под знаком укрепления союза рабочих и крестьян. С 15 августа по 20 сентября 1920 г. работали 34 отряда – более 3 тыс. рабочих, которые сажали 4172 десятины зерновых, намолотили 11 385 пудов зерна, скосили сена на площади 856 десятин, отремонтировали 800 штук сельскохозяйственного инвентаря. Впоследствии такие кампании стали носить регулярный характер.

В 1920-е в Иркутской губернии начали зарождаться первые коллективные хозяйства, которые, с точки зрения коммунистов, считались прогрессивной формой землепользования. В деревне Багатуй Заларинской волости Черемховского уезда бедняки объединились в сельскохозяйственную артель «Коллективный пахарь» по совместной запашке и уборке хлеба. В селе Холмушино Тайтурской волости Иркутского уезда весной 1920 г. бывшим партизаном И. Егоровым была организована сельскохозяйственная коммуна. Она состояла из 13 семейств (5 батраков, 3 бедняка и 5 середняков) и 88 членов семей [2, с. 20–21].

Часть докладов ответственных работников с мест приобретала характер радужных победных реляций о завершении выполнения того или иного задания, часть сводок передавалась сухим формальным канцелярским тоном. Однако значительная часть сообщений была посвящена тем или иным негативным явлениям, происходящим на селе. В частности, многие отчеты содержат сообщения о случаях неудовлетворительной работы госаппарата, которые авторы называют «ненормальностями».

В июне 1920 г. Иркутский губревком сообщал, что его земельный отдел, несмотря на то, что его аппарат составляет 400 человек, неэффективно справляется со своими должностными обязанностями: «Большинство сотрудников, вместо решения хозяйственных вопросов изводят бумагу попусту. Бесконечно составляются сметы. На три отделения используется всего лишь одна пишущая ма-

шинка. Фактически большая часть персонала занималась ненужным и бесполезным делом. Одни шлифуют подошвы для бумаги, копии и т.д., другие носят бумагу из одной части города в другую» [3, л. 40].

Помимо неэффективной работы учреждений, архивные материалы переполнены сообщениями о злоупотреблениях, а также аморальном поведении советских работников. По всей видимости, их составляли коллеги-доносчики. Например, «в январе 1921 г. члены Иркутского губпродкома сообщали, что начальник милиции Балаганского уезда Савицкий и сотрудник Губчека Крылов были уличены в распитии водки с рядом других ответственных работников. Отряд красноармейцев задержал многих из вышеуказанных лиц, однако дальнейших репрессий по отношению к ним со стороны партийных органов не последовало» [4, л. 25].

Большой интерес представляют материалы фонда Р-14 Государственного архива Иркутской области (ГАИО) под названием «Иркутский губернский продовольственный комитет», которые содержат подробную информацию о продовольственной и налоговой политике большевиков в 1920–1923 гг. Часть документов сообщает о ходе проведения продразверстки, организации и правилах продовольственной работы, формах взимания продовольствия с населения, мерах наказания по отношению к неплательщикам, результатах проведения продовольственной и налоговой политики за тот или иной период.

Особый интерес вызывает дело 120 это фонда «Доклад о ходе проведения продразверстки 1920 г.», который составил губпродкомиссар Плисс. Автор подробно расписывает историю формирования Иркутского губернского продаппарата, начало осуществления и ход проведения продразверстки. Любопытны следующие факты: 1) основой для проведения продразверстки служили материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г., осуществленной профессором К.Н. Миротворцевым. Согласно ее итогам,

были установлены нормы потребления крестьянской семьи, которые составляли 12 пудов хлеба, все, что свыше, считалось излишками; 2) руководство губпродкома учитывало тот факт, что многие крестьянские хозяйства пострадали в ходе Гражданской войны, поэтому план продразверстки был скорректирован; 3) составитель документа обвиняет советских работников на местах в неправильном ведении продразверстки, в частности, в несоблюдении классового принципа изъятия продовольствия, а также грубости при осуществлении разверстки. Эти факты, по словам составителя документа, вызвали недовольство со стороны крестьян; 4) автор позитивно оценивает тот факт, что продразверстка была выполнена в срок [5, л. 15].

На основании отчетов Иркутского губпродкома некий Х. Галузин составил подробный анализ ведения продразверстки и ее влияние на крестьянское хозяйство. Этот материал содержится в фонде 300 Государственного архива новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Согласно подсчетам Х. Галузина, в результате продразверстки посевная площадь крестьянских хозяйств Иркутской губернии сократилась на 10 % от показателей 1919 г. [6, л. 3–9].

В 1922 г. губпрокомиссар Плисс составил доклад о результатах проведения продналога, который был введен в 1921 году при переходе к НЭПу. Согласно этому отчету: «При проведении продналога пришлось провести репрессий не меньше, чем при продразверстке. Так, с 1 сентября 1921 г. по 1 января 1922 г. было арестовано 2028 неплательщиков и 473 человека, на которых наложена пеня. К различным срокам был осужден 81 человек». Наблюдались случаи сокрытия объектов обложения. Сотрудники губпродкома отмечали, что одни плательщики при обложении не давали точных сведений о площади посева. При учете скота прибегали к перегонке его из села, в котором производился учет, в село, где учета не было [7, л. 98].

В фонде Р-14 также есть материалы о работе продотрядов при сборе продраз-

верстки и продналога, работе частей ВОХР, а также заградпостов, обеспечивающих запрет свободной торговли, продовольственных троек. В фондах архива также содержатся протоколы судебных заседаний по вопросам смягчения сбора продналога с тех или иных крестьян, в которых мы можем увидеть реплики крестьян, пытающихся добиться от властей уменьшения размера продналога. Часть ходатайств крестьян народные суды удовлетворяли, а часть отклоняли. В сводках работников губпродкома также содержатся сведения о социальном протесте и настроениях населения, деятельность антибольшевистских повстанцев, которых составители сводок называли «бандитами». После смягчения налоговой политики в 1923 г. Иркутский губпродком был упразднен.

Огромное количество полезной информации о развитии сельского хозяйства региона содержит фонд ГАИО Р-46 «Земельное управление Исполнительного комитета Иркутского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов». Этот фонд содержит отчеты о деятельности земельного управления, а также доклады о состоянии земель и ходе ведения сельского хозяйства, результатах аграрной политики. Большой интерес представляют материалы дела 316, в котором подробно анализируется уровень ущерба крестьянским хозяйствам, причиненного белыми, а также описывается деятельность Губернской комиссии помощи пострадавшим хозяйствам (Губкохоз), описывается ход помощи и ее объем [8]. Фонд содержит множество отчетов о состоянии пахотных земель, уровне технической оснащенности крестьянского хозяйства региона, основных статистических показателях аграрного сектора.

На основании материалов этого и других фондов исследователь И.В. Орлова пришла к выводу, что реализация советской аграрной политики преследовала преимущественно классовые цели поддержки бедняков и ущемления зажиточных слоев крестьянства. Уровень агрономической и кредитной помощи со стороны Советского государства был не-

достаточным для интенсификации аграрного производства [9, с. 20]. Историк В.А. Шаламов подробно проанализировал доходность крестьянских хозяйств Восточной Сибири, сравнил их с показателями развития сельскохозяйственной сферы до революции и пришел к выводу, что уровень жизни крестьян Приангарья в 1920-е годы был значительно ниже, чем до революции 1917 г. [10, с. 52–53].

Среди документов иркутских архивов встречаются сигналы с мест, то есть срочные телеграммы ответственных работников с сообщениями о тех или иных происшествиях, а также многочисленные жалобы населения. Земледельцы жаловались на разорительные налоги, грубость местных чиновников, злоупотребления властей, а также бюрократическую волокиту, кроме того, крестьяне сообщали о случаях нарушения их прав. Например, в январе 1923 г. представители Верхоленской волости отправили в Иркутский губисполком жалобу на неправильно проведенную границу Бурят-Монгольской автономной области. По словам крестьян, граница с Бурятской автономией подрывает их сельское хозяйство и совершенно обезземеливает. Жители Верхоленской волости просили Иркутское губернское руководство передвинуть границу [11, л. 14]. В марте 1925 г. буряты Ангинского хошуна направили ходатайство в административную комиссию ВЦИК с требованием соединить бурят Ленского и Ангинского хошунов в одну административную единицу. Авторы ходатайства жаловались на национальное угнетение, производимое со стороны местных русских крестьян: «Детей наших не пускают в школы, полное засилье русских темных крестьян, полное непонимание дружной совместной работы в советском строительстве» [12, с. 176].

Жалобы населения помогают историкам понять, какие актуальные проблемы стояли перед крестьянским населением региона в 1920-е годы, как советская аграрная политика влияла на их хозяйство, образ мыслей, быт. Анализ реплик, жалоб помогает проанализировать психологию крестьянского населения,

понять причины перемены в их настроениях. Также реплики крестьян косвенно помогают определить, на чьей стороне была правда в вопросе противостояния власти и народа.

Огромный массив документов по истории крестьянства содержится в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), который в прошлом именовался партийным архивом. Если в ГАИО хранятся документы органов исполнительной власти, то в ГАНИИО находятся архивы правящей партии, которой фактически подчинялись все остальные государственные органы. Наибольший интерес представляют документы губернского комитета партии (Иркутский губком), которые расположены в фонде 1. В них фиксируется все партийное делопроизводство с 1920 по 1926 г. Большой массив делопроизводственной документации содержится и в фондах уездных комитетов (укомы) партии, в частности, это фонд 5 (Верхоленский Уездный комитет партии), фонд 6 (Зиминский уездный комитет партии), фонд 7 (Иркутский уездный комитет партии), фонд 153 (Киренский уездный комитет партии), фонд 241 (Балаганский уездный комитет партии), фонд 270 (Тулунский уездный комитет партии), фонд 740 (Черемховский уездный комитет партии).

В 1926 г. Иркутская губерния была ликвидирована и по новому районированию разделена на три округа – Иркутский, Тулунский и Киренский. В связи с этим основной массив документов по истории крестьянства Приангарья отложился в фонде 16 (Иркутский окружной комитет партии), фонде 154 (Киренский окружной комитет партии) и фонде 271 (Тулунский окружной комитет партии). Материалы этих фондов содержат дела за 1926–1930 гг. [13, с. 37–41].

Фонд 300 ГАНИИО посвящен истории партии, в основном в нем представлены воспоминания, очерки или статьи партийных деятелей. Большой интерес среди них представляет дело 553 «Очерки Х. Галузина о партийных съездах и конференциях, к истории подразверст-

ки в Иркутской губернии», где автор, подробно опираясь на директивы партии и документы Губпродкома, описывает состояние сельского хозяйства губернии после восстановления власти большевиков. Он детально описывает процесс осуществления продразверстки в губернии, а также ее влияние на сельское хозяйство. В статье присутствуют и критические нотки в адрес партийного руководства. Галузин критикует Губпродком за игнорирование потребностей населения, а также случаи нарушения классового принципа при проведении разверстки и случаи многочисленных злоупотреблений [6].

В деле 825 фонда 300 ГАНИИО представлены газетные статьи, посвященные борьбе с бандитизмом в Сибири и Иркутской губернии. Авторами воспоминаний являются руководители красных отрядов, в прошлом красные партизаны против режима Колчака, которые в 1920-е гг. занимались поиском и уничтожением крестьян-повстанцев. Авторы воспоминаний подробно описывают ход крестьянских восстаний и борьбу с последующим бандитизмом. После прочтения этих очерков исследователь понимает, насколько сложно было иркутским большевикам справиться с крестьянским сопротивлением [14].

Если говорить о фондах Иркутского губкома, укомов, окружкомов, то их материалами, содержащими информацию об аграрной сфере, являются протоколы партийных конференций и заседаний, справки, руководящие указания, инструкции по различным вопросам партаппарата, хозяйственной и политической деятельности, а также доклады, отчеты об экономическом и политическом положении территории, о состоянии сельского хозяйства; сигналы с мест (жалобы населения); сводки ОГПУ о политическом и экономическом состоянии губернии, уезда или округа; документы о работе губернской продовольственной комиссии; ведомости, сводки, доклады уполномоченных губкома о выполнении продразверстки, об итогах хлебозаготовительных кампаний, о работе

сельхозартелей, сельхозкоммун, отчеты губземуправления; справки, сведения по вопросам колхозного строительства [13, с. 37–38].

Инструкции, руководящие указания позволяют понять форму организации государственной власти в стране и регионе. Например, в апреле 1920 г. Сиббюро была издана «Инструкция об организации губернских комитетов партии». Из нее мы узнаем, что структура губкомов строилась по принципу построения аппарата ЦК. В рабочем аппарате губкома определялись 7 отделов: агитационно-пропагандистский, организационно-инструкторский, учетно-информационный, статистический, отдел по работе в деревне, среди женщин, национальных секций. Примерно по такому же принципу строился аппарат низовых парторганизаций [15, с. 192].

Руководящие указания также позволяют историкам понять основные направления советской аграрной политики, так как в них мы видим распоряжения об осуществлении разверстки, продналога, хлебозаготовок, приказы об оказании помощи крестьянам, то есть все то, что осуществляло советское государство в деревне. Результаты советской аграрной политики отражаются в других источниках, таких как доклады, отчеты партийных работников с мест, справки, двухнедельные или ежемесячные сводки сотрудников ОГПУ, а также письма и жалобы населения.

Например, большой интерес представляет обследование платежей крестьянства, проведенное инспектором РКИ Утробиным в 1925 г. Согласно этому отчету, по многим волостям губернии наблюдалось массовое укрытие объектов обложения. Например, по Верхоленскому уезду было замечено уменьшение посева на 1785 десятин, лошадей по Зиминскому уезду уменьшилось на 0,9 %, а крупного рогатого скота на 6,83 %. По многим волостям недоучет колебался на уровне от 6,19 до 10,41 %. Инспектор также сообщает о большом числе неплательщиков налога. На 1 октября 1925 г. число недоимщиков составляло 9087 че-

ловек на сумму 78763 руб. Существовали льготы и скидки в том случае, если случались стихийные бедствия или хозяйство считалось маломощным. Однако они не всегда выполнялись. Например, семья из 7 человек, где трудоспособным был только один домохозяин и которая имела 3 лошади, 1 корову, 6 десятин земли, 15 руб. налога и 44 руб. недоимки, скидку не получила, так как комиссия не признала хозяйство маломощным.

Причину массовых недоимок автор доклада видел в слабой репрессивной политике со стороны волостных исполкомов и сельских советов. Он полагал, что необходимо ускорить и упростить процесс утверждения и назначения торгов хозяйств неплательщиков с той целью, чтобы факт производства опиесей не казался фикцией [16, л. 23].

Из материалов ГАНИИО мы видим, какой объем помощи оказывало государство аграрному сектору Приангарья в 1920-е годы. С 1924 г. государство начало снабжать крестьян сельхозинвентарем, поставлять машины, активно осуществлялось зооветеринарное обслуживание. В 1924–1925 гг. земледельцам были выданы кредиты на сумму 887710 руб. [17, л. 3]. Однако при этом мы узнаем, что помощь оказывалась преимущественно беднейшим слоям населения и носила исключительно классовый характер. Как отмечало правление Иркутского общества сельхозкредита в 1925 г., «Укрепление влияния бедноты главная задача, ибо с ростом активности зажиточных и середняка возможно потеснение бедноты» [17, л. 3 об.].

Нельзя не отметить регулярные «Сводки ВЧК-ОГПУ о политическом и экономическом состоянии Иркутской губернии», которые передавались в Иркутский губком. Партийное руководство пристально следило за населением, а также нуждалось в информации об успехах и неудачах своей политики, поэтому органы Госполитохраны сообщали губкому о политическом и экономическом положении региона, а также о настроениях населения, тем самым выполняя

функции надсмотрщиков. Главное достоинство этих сводок заключается в том, что информация, содержащая в них, носила преимущественно достоверный характер, так как чекистам не было смысла что-либо утаивать от парторганизации, а от правильности составленных сводок зависела судьба большевистской власти. ОГПУ отслеживало настроения населения, чтобы в будущем подавлять все восстания в зародыше и помогало партии скорректировать свою политику, также ОГПУ следило за злоупотреблениями со стороны партийных чиновников для последующего их наказания за должностные преступления или случаи проявления нелояльности.

Сводки носят двухнедельный или ежемесячный характер. Первый раздел сообщает об экономическом, финансовом состоянии промышленности и сельского хозяйства, большой акцент уделялся проблемным отраслям экономики, провалам, невыполнениям государственных заданий, случаям должностных преступлений. Отдельный параграф сводки был посвящен политическим настроениям населения в городе и деревне, акцент делался на проявлениях недовольства, указывались их причины с цитированием реплик недовольных граждан, подробно освещались крестьянские протестные выступления и народные восстания, которые фигурировали под термином «бандитизм».

Читая сводки ОГПУ, мы понимаем, что крестьянское население сталкивалось с многочисленными случаями неудовлетворительной работы советского аппарата, так как для него были характерны медлительность, халатное отношение к делу, многие ответственные работники совершали должностные преступления. По мнению составителей сводок, «неудовлетворительная работа советских учреждений подрывала авторитет советской власти». Сводки ОГПУ дают подробную информацию о том, как происходил сбор налогов, как реагировало на него крестьянство.

Сводки ОГПУ подробно сообщали об экономическом положении деревни,

ходе восстановления аграрного сектора и о том, с какими проблемами сталкивалось крестьянство. Например, сотрудники ОГПУ подробно описали процесс осреднячивания крестьянских хозяйств, выраженный в сокращении доли зажиточных и бедняцких хозяйств и увеличении числа середняков. Так, доля среднепосевных хозяйств возросла с 49,9 до 50,1 %, доля бедняцких беспосевных хозяйств сократилась с 15,8 до 5,5 %, доля зажиточных крестьянских хозяйств, сеющих более 6 десятин, уменьшилась втрое, а более чем 8 десятин – впятеро [17, л. 12].

Сводки ОГПУ подробно описывают процесс распада коллективных хозяйств. «В 1921 году в деревне Топки Черемховского уезда в коммуну объединились несколько семей. Председателем коммуны стал Степан Сарапулов – член РКП(б). Как только отменили продразверстку, разрешили частную собственность и торговлю, а вскоре утвердился НЭП, то многие середняки из коммуны вышли, чтобы развивать собственное дело. В итоге к 1926 г. в коммуне у деревни Топки осталось из 10 семей только 2 – Сарапулова и Кобелева. Они держались только во имя идеи» [18, л. 36]. Тем самым мы понимаем, что советское кооперативное движение в 1920-е годы в условиях НЭПа потерпело полный крах.

Политическим настроениям крестьянства, крестьянским протестам, восстаниям и случаям бандитизма в сводках ОГПУ уделяется очень большое влияние. Благодаря этой информации, мы понимаем, как на самом деле крестьянские массы относились к большевикам. Составители сводок делят население на три группы – кулаков, середняков и бедняков – и дают характеристику политических настроений для каждой из этих категорий. За 1920-е годы политические настроения крестьян колебались от неудовлетворительного враждебного отношения к советской власти до удовлетворительного спокойного.

С 1920 по 1923 г. настроение населения было преимущественно враждебным к большевикам. На этот период приходится осуществление продраз-

верстки, а затем продналога, когда политика коммунистов по отношению к деревне была направлена исключительно на выкачивание всех ресурсов. Одна из сводок сообщала о массовом ропоте и недовольстве крестьян введением очередного налога. «До тех пор, пока не исчезнет советская власть, они не избавятся от подобных обирательств» [18, л. 10], – говорили земледельцы.

На эти годы приходится пик крестьянских восстаний против большевиков, которые фигурировали в сводках ОГПУ, как бандитизм. Чекисты подробно описывали все протестные выступления крестьян, массовые восстания, ход борьбы с антибольшевистским крестьянским движением. Причем в сводках ОГПУ детально давалась характеристика главнейших повстанцев, приводились листовки, дневники и письма деятелей повстанческого движения.

В 1923–1927 гг. в связи с утверждением НЭПа и связанной с этим уменьшением налоговых ставок, а также перехода налогообложения в денежную форму, настроение крестьянского населения в сводках ОГПУ описывается как удовлетворительное. На 1925–1926 гг. приходится период наиболее благоприятного отношения к Советской власти в связи с политикой «Лицом к деревне». Однако из документов мы узнаем, что не все крестьяне были удовлетворены политикой властей. Ряд зажиточных крестьян были недовольны классовым характером оказания помощи земледельцам, когда большевики оказывали предпочтение только беднейшим слоям населения. Кулаки также выражали недовольство налоговой политикой. «Власть обложила нас единым сельхозналогом, а между тем накладывает на общество и содержание школы, школьного сторожа, гоньбы и проч.», – говорил один из крестьян [19, л. 297]. А с 1927 г., когда большевики начинают свертывание НЭПа, вновь начинают в сводках фиксироваться случаи массового недовольства и протеста крестьян.

Однако эти и другие архивные документы имеют и ряд недостатков. Глав-

ные из них – это односторонность, политическая ангажированность при описании фактов их составителями. Советский работник или сотрудник ОГПУ оценивали крестьян и все государственные мероприятия в отношении них с позиции советской власти. Конечно, нередко составители документов фиксировали случаи массового недовольства, но объясняли они это либо халатностью местных властей, грубым и неправильным отношением ответственных руководителей по отношению к крестьянству, недостаточной политической агитацией или слабой разъяснительной работой, которая с их точки зрения и привела к таким плачевным результатам. Однако сама советская политика критике или сомнению не подвергалась. Еще один важный момент, который следует учесть исследователям, – составители документов смотрели на крестьян сквозь призму советской идеологии, на крестьян зачастую навешивали ярлыки по признакам нелояльности. Например, любой недовольный крестьянин назывался составителем сводок кулаком, группа протестующих безапелляционно относилась к зажиточным крестьянам. Очень часто по отношению к недовольным людям применялись эпитеты вроде подкулачник, бандит, политически несознательный крестьянин. Часть выводов авторов документов, будь то масштаб восстаний или число его участников, либо занижалась, либо неправдоподобно завышалась. Поэтому при работе с документами историк должен относиться критически ко многим фактам, указанным в архивах. Еще один недостаток архивных материалов – не-

возможность их перепроверить другими независимыми источниками. Крестьяне не оставляли дневников, не писали мемуаров, не вели какую-либо отдельную от властей делопроизводственную документацию. Поэтому мы можем узнать об их жизни и настроениях только из реплик советских официальных документов.

Заключение. Таким образом, следует прийти к выводу, что документы Иркутских архивов содержат много полезных сведений о хозяйственной деятельности крестьян, эффективности экономической политики советской власти, политических настроениях крестьянства, а также об их жизненном уровне. Архивные материалы позволяют историку увидеть картину основных процессов, происходящих на селе Приангарья в 1920-е годы. Ценность этих материалов заключается в том, что в основном они носят достоверный, целостный и подробный характер изложения. Однако недостатком архивных документов является тот факт, что их невозможно проверить какими-либо независимыми от официальной власти источниками в силу специфики советского режима и особенностей социокультурного развития России тех времен. Многие выводы авторов и составителей документов являются политически ангажированными. Кроме того, архивные документы в основном посвящены хозяйственной деятельности крестьян, политической, экономической, культурной и национальной политике властей, но они не отражают подробно образ жизни и быт крестьянства, а дают эту информацию только по косвенным признакам.

Список источников

1. *Бакшеев А.И.* НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск: КрасГМУ, 2020. 145 с.
2. Очерки истории Иркутской организации КПСС. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. Кн. 2. 400 с.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 474.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 241. Оп. 1. Д. 20.
5. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 120.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Д. 553.

7. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 457.
8. Там же. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 316.
9. Орлова И.В. Реализация социальной политики Советского государства в годы НЭПа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 22 с.
10. Шаламов В.А. Образ жизни крестьянства в Восточной Сибири (на материалах Иркутской области и Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 261 с.
11. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 320.
12. Крестьянство и советская власть Приангарья в 1920-е гг.: противостояние и взаимодействие. М.: Русайнс, 2020. 270 с.
13. Государственный архив новейшей истории Иркутской области: путеводитель / сост. М.Д. Покачалова, Т.Г. Щербаклова. Иркутск: Оттиск, 2008. 661 с.
14. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Д. 825.
15. Элтеко Ю.В. Енисейский губернский комитет РКП(б): структура и кадровый состав // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 190–200.
16. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2567.
17. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2575.
18. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076.
19. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200.

Reference

1. Baksheev A.I. NEHP v Sibiri. Atmosfera i logika vojny. Krasnoyarsk: KraSGMU, 2020. 145 s.
2. Ocherki istorii Irkutskoj organizacii KPSS. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1976. Kn. 2. 400 s.
3. Gosudarstvennyj arkhiv Irkutskoj oblasti. F. R-42. Op. 1. D. 474.
4. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti. F. 241. Op. 1. D. 20.
5. Gosudarstvennyj arkhiv Irkutskoj oblasti. F. R-14. Op. 1. D. 120.
6. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti. F. 300. D. 553.
7. Gosudarstvennyj arkhiv Irkutskoj oblasti. F. R-14. Op. 1. D. 457.
8. Tam zhe. F. R-46. Op. 1. D. 316.
9. Orlova I.V. Realizaciya social'noj politiki Sovetskogo gosudarstva v gody NEPa (na materialakh Enisejskoj i Irkutskoj gubernij): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2007. 22 s.
10. Shalamov V.A. Obraz zhizni krest'yanstva v Vostochnoj Sibiri (na materialakh Irkutskoj oblasti i Krasnoyarskogo kraja): dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2011. 261 s.
11. Gosudarstvennyj arkhiv Irkutskoj oblasti. F. R-145. Op. 1. D. 320.
12. Krest'yanstvo i Sovetskaya vlast' Priangar'ya v 1920-e gg.: protivostoyanie i vzaimodejstvie. M.: Rusajns, 2020. 270 s.
13. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti: putevoditel' / sost. M.D. Pokachalova, T.G. Shcherbakova. Irkutsk: Ottisk, 2008. 661 s.
14. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti. F. 300. D. 825.

15. *Ehltoko YU.V.* Enisejskij gubernskij komitet RKP(b): struktura i kadrovij sostav // Social'no-ehkonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal. 2022. № 4. S. 190–200.
16. Gosudarstvennyj arkhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti. F. 1. Op. 1. D. 2567.
17. Tam zhe. F. 1. Op. 1. D. 2575.
18. Tam zhe. F. 1. Op. 1. D. 1076.
19. Tam zhe. F. 1. Op. 1. D. 2200.

Статья принята к публикации 10.01.2024/
The article has been accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторе:

Вячеслав Владимирович Иванов, доцент кафедры философии, социологии и истории, кандидат исторических наук

Information about the authors:

Vyacheslav Vladimirovich Ivanov, Associate Professor at the Department of Philosophy, Sociology and History, Candidate of Historical Sciences

